
"Кто прав: Хантингтон или Фукуяма?"

Довгополова Александра Александровна

студентка 4 курса факультета Социологии и политологии
Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

E-mail: aleksandra.dovgoplova@gmail.com

Аннотация: В статье проводится сравнение концепций современной геополитики: «Конец истории» Ф. Фукуямы и «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона.

Ключевые слова: международные отношения, геополитика, демократия.

Девяностые годы были весьма благодатным моментом для всякого рода геополитических прогнозов и предсказаний: моментальный, по историческим меркам, крах Советского Союза и мгновенное расширение границ условного Запада за счет условного Востока разрушили биполярный мир. Самюэл Хантингтон предсказал момент культурного надлома, описанный в своей широко обсуждаемой книге «Столкновение цивилизаций». Увидим ли мы также когда-нибудь альтернативный мир — глобальный триумф демократии, предусмотренный в блестящей работе Фрэнсиса Фукуямы "Конец истории"? Вопрос нашего времени заключается в том, что может ли быть столкновение культуры Хантингтона или демократический сценарий Фукуямы наиболее вероятным будущим сценарием существования мира.

В конечном счете, однако, выбирая между Фукуямой и Хантингтоном можно сформулировать видение социальной жизни человека. Каковы движущие силы человеческих действий? Какую роль будет выполнять религия как культурная сила? Является ли демократия наиболее цивилизованным и естественным образом жизни? Подобные вопросы находятся в центре борьбы между концепциями Хантингтона и Фукуямы.

Изучая, «Конец истории» и «Столкновение цивилизаций» можно найти общие моменты, в которых авторы работ сходятся. Тем не менее, в конечном счете, ни Хантингтон, ни Фукуяма не говорят, что мы должны знать для того, чтобы синтезировать их концепции — или, наконец, решить между ними. Эти книги одновременно дополняют друг друга. Концепция Фукуямы была существенно сложнее, чем принято считать, но ее можно свести примерно к следующему: падение СССР означает конец биполярного мира, на смену ему идет мир однополярный, в рамках которого США станут государством-гегемоном, либеральная демократия — общепринятой формой политического устройства во всем мире, а регулируемый капитализм и порожденный им консюмеризм постепенно проникнут во все уголки планеты, неся с собой грамотность, гигиену и «Макдоналдс». Собственно, Хантингтон предложил прогноз, оказавшийся гораздо более близким к реальности, чем теория Фукуямы. Согласно Хантингтону, на место империй, боровшихся за господство в мире в XIX–XX веках, приходят новые акторы, а именно цивилизации. Хантингтон насчитывал их девять: западная, исламская, индуистская, синская, православная, японская, латиноамериканская, африканская и буддистская. Хантингтон в своей работе утверждает, что, несмотря на окончание холодной войны, новые формы идентичности неизбежно будут построены на новых моделях враждебности. Различия религии и культуры, говорит Хантингтон, будет предоставлять необходимую основу для столкновений в будущем.

Утверждая неизбежность человеческой ненависти, или предсказывая рост культурных противоречий в целом, Хантингтон подчеркивает наиболее важным предстоящим вызовом для мирового сообщества и американской власти является мусульманская склонность к насильственному конфликту. Это тот факт, который мы не можем отрицать, к 2017 году у нас

есть много примеров, которые его подтверждают: 2001, 11 сентября — атака самоубийц на здания Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке и на Пентагон, 2002, Норд-Ост — захват театра в Москве, 2004, 11 марта — серия взрывов в поездах на железнодорожных вокзалах «Аточа», «Эль-Посо» и «Санта Эухения» в Мадриде и, конечно, последние события на территории Европейского Союза в 2016 году. Основная проблема для Запада не исламский фундаментализм. Это ислам, другая цивилизация, чьи люди убеждены в превосходстве своей культуры. Проблема ислама не ЦРУ или Министерство обороны США. Это Запад, другая цивилизация, чьи люди убеждены в универсальности своей культуры.

В то время как Фукуяма указывает, как редко при установленном демократическом порядке люди хотят взять в руки оружие друг против друга, Хантингтон настаивает, что содействие демократии и модернизации за рубежом приносит в мир больше конфликтов. Избирательная конкуренция в не западных странах, говорит Хантингтон, усиливает призывы к национализму и приносит воинственных фундаменталистов к власти, тем самым увеличивая возможность международного конфликта. Социальная и экономическая модернизация, добавляет он, вырывает с корнем общества и тем самым стимулирует традиционалистской реакции.

Насколько оправдывается прогноз Хантингтона в целом, судить пока трудно — посмотрим через несколько десятилетий. Но одна глава из «Столкновения цивилизаций» выглядит удивительно актуальной именно сейчас: называется она «Russia and its near abroad». Дело в том, что Хантингтон с устрашающей точностью предсказал события, которые произошли совсем недавно. В 1996 году он предложил три возможных сценария российско-украинских отношений: первый, который он считал наименее вероятным, — прямой вооруженный конфликт между странами. Второй — «раскол Украины по линии разлома на две части, восточная из которых войдет в состав России». Оставшаяся независимой часть Украины «может стать жизнеспособной только при активной и серьезной поддержке Запада. Такая поддержка, в свою очередь, может быть оказана только в случае значительного ухудшения отношений между Россией и Западом, вплоть до уровня противостояния времен холодной войны».

В свое время Хантингтону пришлось выслушать немало критических замечаний за этот прогноз, казавшийся совершенно фантастическим двадцать лет назад: Украина раскалывается пополам, начинается новый виток холодной войны, цивилизационный конфликт в центре Европы — кто мог во все это поверить в 1996 году. Сейчас же остается только констатировать, что предсказания Хантингтона сбываются с точностью до деталей.

Хантингтон даже нарисовал карту потенциального раскола Украины пополам: по его мнению, она примерно совпадает с границей, отделяющей районы, поддержавшие на выборах-1994 Кучму, от районов, поддержавших Кравчука. В этом он, конечно, ошибся на несколько сотен километров, но в остальном точность прогноза поражает.

С чисто академической точки зрения было бы очень интересно послушать мнение самого исследователя о происходящем на Украине, но, к сожалению, это невозможно: Хантингтон умер в 2008 году. Интересно, что Путину прекрасно известны его идеи: в 2001 году, отвечая на вопрос немецкого журналиста, что он о них думает, Путин назвал их «вредными» и заявил, что нельзя разделять мир по признаку культур. Кажется, сейчас, когда Путин принял самое непосредственное участие в событиях, подтвердивших правоту Хантингтона, самое время спросить, не изменил ли он свое мнение за последние 15 лет.

Как Хантингтону удастся предсказать будущее, так странно? Он признал, что будущее уже существует в настоящем времени. Он признал, и исследовал то, что другие не признают, — что Америка уже вовлечена в войну с исламским миром, еще до 11 сентября. И в еще один сверхъестественный момент, Хантингтон делает акцент на Востоке и эффективно предсказывает

появление «оси зла» — союз Ближнего Востока и восточноазиатских государств в оппозиции к Америке с Западом.

Несмотря на постоянное оправдание пророчеств Самюэля Хантингтона в «Столкновении цивилизаций», Фрэнсис Фукуяма упорно утверждал, что конец истории уже близок. Наступит «конец истории», и на неопределенно долгое время устройство мира не будет претерпевать принципиальных изменений. Эта смелая теория принесла Фукуяме всемирную известность. В политической науке поднялась настоящая буря: полемика вокруг теории «конца истории» продолжалась многие годы, а самому Фукуяме пришлось выступать со множеством поправок и уточнений.

Для Фукуямы война является данью уважения движущих сил модернизации. И он указывает, что исламизм является по своей сути временным явлением, а не универсальной идеологией, которая может служить в качестве подлинного соперника демократии. Так Фукуяма утверждает, что в то время как восстание против современности в частях мусульманского мира может на короткое время замедлить распространение демократии и капитализма, оно не может, в конечном счете, остановить появление демократии.

Большим достижением Фукуямы в «Конце истории» является то, что он обусловил демократические права и участие в политической жизни фундаментальными целями, а не порождением капитализма.

Фукуяма замечает, что из либеральной теории, основанной на идеях безопасности и процветания, выходит что-то фундаментальное о демократии, а именно — стремление к признанию со стороны других своей свободы и равенства как человеческого существа. Это стремление к признанию на самом деле является ключом к демократической революции во всем мире.

Не надо быть политологом или историком, чтобы в 2017 году констатировать, что Фукуяма во многом ошибался: даже на месте СССР, который согласно теории «конца истории» и был главным препятствием на пути установления во всем мире либеральной демократии, правит отнюдь не эта самая демократия, а режимы разной степени авторитарности.

Хантингтон, как и Фукуяма, слишком мудр, чтобы полностью игнорировать явления, которые заботят оппонента. Например, Хантингтон признает глобальную силу технологической и экономической модернизации — он просто подчеркивает тот факт, что модернизация порождает обострение международных конфликтов.

Фукуяма хочет видеть, как Америка активно продвигает демократию по всему миру. Хантингтон, с другой стороны, предупреждает о потенциально катастрофических последствиях наивного демократического империализма.

Сейчас основной вопрос размежевания двух концепции состоит в том, сможем ли мы в конечном итоге увидеть медленное, но полное растворение традиционных мусульманских общественных форм и появление чего-то нового либерального и демократического? Никто не знает ответы на эти вопросы: ни Фукуяма, ни Хантингтон. Вопрос о времени является ключевым в дискурсе концепций авторов. Как повернется история? Никто не знает.

Список литературы

1. Ф. Фукуяма. Конец истории? 1989
2. Ф. Фукуяма. Конец истории и последний человек 1992
3. С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. 1996